
© С.В. ТУРОВ

svtur57@mail.ru

УДК 94:39:502(571.121=161.1=511.132)

**ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОИЗВОДЯЩИХ ОТРАСЛЕЙ
ТРАДИЦИОННОГО ХОЗЯЙСТВА СТАРОЖИЛЬЧЕСКОГО
НАСЕЛЕНИЯ (РУССКИЕ, КОМИ) ОБДОРСКОГО КРАЯ
(конец XVIII-первая треть XX века)**

АННОТАЦИЯ. В статье исследуются опыт природопользования и природоведческие знания старожильского населения (русские, коми) Обдорского края в конце XVIII-первой трети XX века, а также взаимодействие природной среды и производящих отраслей (скотоводство, земледелие) традиционной хозяйственной структуры региона.

SUMMARY. The article studies the experience of nature management and natural history knowledge of old residents (Russians, Komi) in Obdorskiy region at the end of the 18th and in the first third of the 20th century; interaction of natural environment and manufacturing sectors (cattle-breeding, agriculture) of the traditional industrial structure in the region.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Старожилы (русские, коми), скотоводство, земледелие, огородничество, сенокосение, опаливание покосов, климатические условия.

KEY WORDS. Old residents (Russians, Komi); cattle-breeding; agriculture; gardening; mowing; singeing of mowing; climatic conditions.

В 70-х гг. XVIII в. В.Ф. Зуев отметил, что обдоряне содержат крупный рогатый скот. Таким образом, скотоводство в Обдорском селении сложилось едва ли ни раньше, чем окончательно осевшее население или, во всяком случае, одновременно. Скорее всего, коров на крайний северо-запад Сибири завезли березовцы. В.Ф. Зуев сообщает, что именно они «... на судах в Обдорск лошадей завозить пробовали, но и году не пользовались своим вымыслом». Коровы жили дольше. Одна редкая обдорская корова в XVIII в. дотягивала до пятилетнего возраста [1].

В конечном счете коровы акклиматизировались и ответили на приполярные холода «большой мохнатостью», каковую подметил в 90-х гг. XIX в. В.В. Бар-тнев [2]. Ничем другим обдорские коровы, кажется, не отличались от своих березовских прародительниц и более южных сородичей. По крайней мере, к середине XIX в. в Обдорском крае акклиматизировалась и лошадь, также выйдя из положения за счет «большой мохнатости». Кроме лошадей и коров, в середине XIX в. в Обдорском селении держали овец [3]. Ничтожные размеры стада мелкого рогатого и безрогатого скота, а также домашней птицы объясняются местной спецификой. Овец и свиней приходилось постоянно держать взаперти: «... иначе через час и костей не найдешь как собаки растащут» рассказывали березовцы еще В.Ф. Зуеву [1; 216]. Огромное количество собак — охотничьих, пастушьих, ездовых и попросту бродячих были обязательным элементом пейзажа всех северных поселений. Картины эти также живописал В.Ф. Зуев: «Каждый день небывалым людям наведут чрезвычайную скуку своим воем,

который по всему городу раздается таким образом: сойдутся собаки три или более, первое подерутся, потом начнут выть, что услыша, прочие собаки то ж подымут; и так во всем городе делается такой вой, что из конца в конец переходит...» [1; 216].

Со временем положение менялось мало. С. Шульгин в начале XX в. записал следующий диалог с русским старожилом юрт Ермаковских на р. Конде <...>:

«— По крайней мере, кур, свиней, овец имеете ли?»

— Держать нельзя: как только выпустишь из ограды — поминай как звали: собаки придушат» [4].

Тем не менее, уже в XVIII в., по сообщению В.Ф. Зуева, некоторые жители Березова держали овец, свиней и даже кур «на яйцо» [1]. В середине XIX в. положение было таким же — домашнюю птицу «не водят, кроме обыкновенных кур» [3]. Со слов наших информантов, в с. Мужа в 20-х гг. XX в. в хозяйствах держали не более десятка кур «для яиц» [5]. Помимо постоянной угрозы, исходившей от собак, северное птицеводство сдерживалось изобилием боровой и водоплавающей дичи, добывали которую достаточно легко и в больших количествах [6].

Лидером в области скотоводства, по-видимому, было с. Мужа. В 1922 г. (во всех отношениях не самом благоприятном) здесь на 155 дворов зырян и русских (аборигены в это время в Мужах не проживали) имелось 215 лошадей (1,38 лошади на двор) и 402 коровы (2,6 коровы на двор) [7]. Если верить совисполкомовской статистике (автор не верит), то накануне коллективизации во всем округе было 213 лошадей, 402 коровы и 11 свиней, овцы отсутствовали, [8] то есть в 1922 г. в одном только с. Мужа живности было примерно столько же.

Таким образом, успехи обдорского традиционного скотоводства за более чем 150 лет (70-е гг. XVIII — 20-е гг. XX вв.) развития выглядят достаточно скромно. Для сравнения: в зоне средней тайги, в Туринском уезде, еще в начале XVIII в. в крестьянских дворах имелось по 10, 12, 17 лошадей, 10 и более коров, до 20 овец. В среднем семья, насчитывавшая более 3 взрослых мужчин, держала не менее 3 лошадей. В Тюменском уезде, например, еще в середине XIX в. в среднем на двор приходилось 4-5 лошадей, 4-6 коров, 5-7 овец и 1-2 свиньи [9].

Кроме уже указанных выше причин, подобное положение дел было связано с суровыми природными условиями. Даже на юге округа, в Шурышкарском районе, по данным 1933 г. период стойлового содержания животных составлял 245 дней, а пастбищный — только 120. Столь длительное стойловое содержание само по себе создавало серьезные трудности для скотоводства, но положение усугублялось специфическими условиями сенозаготовки. Наиболее продуктивные выпасы и покосы находятся на луговом (поемном) берегу Оби. Нагорный (высокий) берег, покрытый лесом (лесной выгон), в кормовом отношении малоценен [10]. Особенно богата лугами обская пойма на юге региона, в пределах Шурышкарского района, по левому берегу. Здесь она изрезана различной ширины рукавами и протоками, идущими в продольном и поперечном направлении. Благодаря этой сети протоков вся пойма разделяется на отдельные луговые массивы различной величины — от нескольких десятков до тысяч гектаров [11]. Казалось бы, подобные кормовые запасы способны обеспечить куда более интенсивное скотоводство, нежели имевшееся в крае в описываемый период. Однако на самом деле все обстояло значительно сложнее. Луговые пространства в пойме в силу климатических условий освобождаются от воды достаточно позд-

но. И зачастую косцы должны были как бы следовать за медленно убывающими водами, выкашивая участок за участком [12]. Дело в том, что Обь-Иртышская речная система имеет присущую только ей (провинциальную) особенность. Здесь проявляются длительные многоводные циклы — наводнения с высокой водой подряд несколько лет (5-8 лет). В речных системах европейской части страны многоводные циклы также проявляются, но их длительность не превышает 3-4 года. Многоводные циклы в Обь-Иртышской речной системе наносили огромный урон традиционной хозяйственной структуре поемного типа; большинство привычных хозяйственных занятий либо были осложнены, либо вовсе невозможны, так как до августа — октября под водой находились наиболее продуктивные рыболовные угодья («пески», «сора»), далеко в тайгу уходил промысловый зверь. Естественно, под водой оказывались пастбища и покосы. Например, в I-й пол. XIX в. наводнения с высокой водой были в 1810-1812, 1818-1820, 1822, 1824, 1835, 1837-1838, 1845-1847, 1850, 1854, 1856-1859, 1861 годах [13]. В многоводные годы, когда вода долго стоит в пойме, производительность луговых покосов падает вдвое. Трава под водой продолжает расти, но качество ее значительно ухудшается. Кроме того, она сильно «пристиляется» к земле, заносится илом и покрывается водорослями. Уборка сена в многоводные годы иногда откладывается до сентября-октября [14]. Понятно, что на севере трава зачастую попросту уходит под снег. Чтобы не допустить этого, иногда приходилось косить траву под водой с лодок. Имелась еще и порайонная специфика речного стока, осложнявшая заготовку сена: «Основной недостаток здешних лугов — заливаемость их при северных ветрах водами Обской губы. При таких заливаниях скошенная трава нередко уносится водой. Высоких луговых участков поймы, куда не заходят нагонные воды Обской губы, очень немного. Такие участки расположены главным образом по р. Надыму, в верхней части его дельты» [15].

Кроме воды, сенокосение осложнял кустарник и кочки, покрывающие поемные луга. Таким образом, на самом деле кормовая база северного скотоводства была достаточно неустойчива, а сенокосных участков удобных (высоких и чистых) было не так уж много. Поэтому сенокосы устраивались очень избирательно. Хорошие участки часто находились вне пределов волостных дач и их приходилось «кортомить». Так, по сведениям 1804 г. у березовских жителей «<...> сенокосные луга хотя в дачах городских и имеются, но по количеству граждан весьма недостаточно <...> потому принуждены бывают для поставки сена кортомить места у яшашных, живущих поблизости города» [16]. Так же приходилось поступать обдорянам. После революции покосы арендовали у государства, которое в лице волисполкома «наложило лапу» на все лучшие сенокосные угодья [17]. Покосы делились на участки. Избирательность при этом была настолько велика, что у одного хозяина могло быть несколько участков в разных местах. У жителей с. Кушеват в 1931 г. сенокосы располагались на левом берегу протоки Кушеватской «протяжением километров на 10 при ширине полосы местами до 1 километра». Причем землеустроитель подчеркивал, что: «В случае недостатка здесь можно использовать имеющиеся луговые пространства по левому берегу Большой Оби, где для сенокосения богатые перспективы». В качестве выгона кушеватцы использовали «<...> весь правый берег протоки Кушеватской, а также частично и левый до сенокоса». Участок выгона по правому берегу прилегал к селению «на запад на 1,5 км и на северо-

восток на 3 километра» [18]. Жители с. Мужи также имели покосы на луговом берегу Оби, «за рекой». Самые продуктивные покосы находились на так называемом Татарском острове [19]. Скотный выгон также находился на луговом берегу. И только в годы, когда луга были долго затоплены, использовался выгон на нагорном берегу неподалеку от села [20]. Поскольку чистых покосов неоставало, их чистили — вырубался кустарник, убирались крупные кочки. Наконец, покосы опаливали (поджигали) [5]. Этот способ очистки покосов, при котором выгорал кустарник и прошлогодняя трава («ветошь») в прошлом широко практиковался по всей Западной Сибири [21]. Во время опаливания (опалки, пала) «караулили», чтобы огонь не вырвался за предназначенные ему границы и не наделал беды, например, сжег оставшееся в копнах прошлогоднее сено. Поскольку даже после опалки кочкарник оставался, применение косы-литовки было затруднено. Косили косой-горбушей. В годы, когда сено не удавалось заготовить на зиму в достаточном количестве (для лошади — 10 возов, для коровы — 5), а приход весны задерживался, на корм скоту шли разнообразные суррогаты — ветки тальника, банные березовые веники и т.п. В итоге скот болел и валился. Так, в 1923 г. «от плохого питания-фуража скот болел в с. Норе» [22]. Скот, дотянувший до лета, переходил на подножный корм. Пастухов при этом не было. Скот бродил в пределах выгона самостоятельно. Волков бояться не приходилось, они все ходили за оленьими стадами, а медведи нападали на скот редко [2; 131].

Земледелие в XVIII-XIX вв. считалось на северо-западе Сибири занятием совершенно невозможным по причине «холодного климата» и непригодности почв. Регулярное земледелие в это время прекращалось примерно в 700 км. южнее Березова. Тем не менее, начиная со II-й четверти XIX в., на Тобольском севере предпринимались многочисленные попытки продвинуть земледелие далее в высокие широты. Большинство из этих опытов проводилось вблизи двух северных городов — Березово и Сургут. Опытные посадки злаков делались близ Березово в 1826 и 1849 гг. Несмотря на положительные результаты, эти попытки продолжения не имели. В 1851-1853 гг. более системные опытные посадки зерновых осуществляли вблизи Сургута местный священник В. Кайдалов и есаул Тобольского казачьего пешего батальона Невзоров (1853-1855 гг.). В 1855 г. священник с. Юганского И.Я. Тверитин очищает от векового леса ½ десятины земли и начинает земледельческие опыты, которые с переменным успехом проводил до начала 70-х гг. XIX в. вместе с несколькими односельчанами. И хотя его опыты показали, что злаковое земледелие под 61 градусом северной широты возможно, хотя и рискованно, но по целому ряду причин в это время хлебопашество в с. Юганском зачехло. Только в начале 90-х гг. местный священник В. Тверитин XIX в. (повидимому, внук И.Я. Тверитина) возобновляет земледелие в с. Юганском. Вновь было доказано, что земледелие возможно, но далее дело не пошло [23].

В том же 1892 г., когда В. Тверитин ставил земледельческие опыты в с. Юганском, березовский купец С.Т. Окунев экспериментировал с посевом злаковых культур в с. Мужи. Вот что сообщил о результатах сам экспериментатор на страницах ежегодника Тобольского губернского музея: «Посев озимой ржи на пространстве 20 квадратных сажен произведен был в 1892 году в селении Мужи, березовского округа (лежит на Оби, на 250 верст ниже г. Березова). Население состоит из остяков и зырян, занимающихся рыболовством. О посеве хле-

бов не имеют понятия. Посев произведен был 4 августа в количестве двух фунтов, семенами, вывезенными из Тарского округа. Осень была холодная, всходы появились 25 августа, первый заморозок был 7 сентября, вслед за тем выпал снег, стаявший лишь около 20 мая следующего года, при теплой погоде рожь стала расти быстро и весенними заморозками повреждена не была. В конце августа хлеб был сжат, намолочено 16 фунтов» [24]. Надо сказать, что ко времени своего земледельческого эксперимента в с. Мужы С.Т. Окунев был уже опытным хлеборобом. Его опыты по посеву яровой ржи в Березово были в свое время отмечены губернским агрономом Н.Л. Скалозубовым. В 1906 г. тот же Н. Скалозубов сообщал, что «Ныне приказчик Окунева делал в Мужах опыт посева яровой ржи; опыт удался» [25].

Таким образом, суровый климат и скудные почвы были серьезным, но не абсолютным препятствием в деле земледельческого освоения севера. Куда более серьезным препятствием, выражаясь современным языком, были инертность традиционной хозяйственной структуры и низкая рентабельность северного хлебопашества при высоких трудовых затратах. Значительно больших успехов, чем в земледелии, добились северяне в огородничестве. Уже в XVIII в. у березовцев были огороды [1; 214]. В огородах в это время выращивали репу, редьку, морковь, свеклу, капусту. В начале XIX в. в огородах березовцев появились бобы, горох и огурцы. К середине XIX в. самыми распространенными огородными культурами в Березовском крае были картофель и репа. Всего к этому времени на северо-западе Сибири насчитывалось около 400 огородов [26].

В Обдорский край огородничество, по-видимому, проникло двумя путями — было завезено березовскими выходцами и коми-ижемцами, которые на родине, в Ижемском крае, имели огороды.

Первую посадку картофеля в с. Мужы осуществил уже знакомый нам купец Окунев. В 1894 г. он попробовал садить репу и редьку [27]. В 1906 г. огород Окунева обзирал Н. Скалозубов и нашел, что: «Огородные овощи — картофель, репа, редька — рожь хорошо, морковь — нет» [25]. Пример Окунева вдохновил односельчан. В 1908 г. в с. Мужы было уже 4 огорода [27]. В с. Обдорском в начале XX в. имелось два небольших огорода. Один из них возделывал житель Обдорска А. Мещеряков, другой принадлежал Обдорской миссии. В огородах росли картофель, свекла, морковь, репа и редька [28]. В 20 - начале 30 гг. XX в. огородное дело переживает в Обдорском крае настоящий расцвет. Еще в 1922 г. жители п. Норе на общем собрании изъявили желание завести огороды. Согласно списку, составленному в сельсовете, огородниками намеревались стать 9 человек — 7 коми и 2 ненца — Ямрин и Могор. Собрание огородников составило и приняло обращение к властям, в котором испрашивалась помощь в приобретении семян картофеля, «ретьки», репы и моркови, а также орудий производства — копаруль* [29].

---

* Копаруля — орудие мотыжного типа. Еще в конце XIX в. было широко распространено на Русском Севере, где им возделывали подсеку. «Это орудие похоже на топор с длинным топорщиком, причем железное лезвие посажено не вдоль топорщика, как у обычного топора для рубки дерева, а поперек» (Д.К. Зеленин). Летом 1994 г. в старинном русском селе Сухоруково, расположенном на берегу Оби (Ханты-Мансийский национальный округ) автору этих строк показывал копарулю местный старожил Иван Иванович Корепанов.

Чем закончился «норинский огородный проект», неизвестно. Зато в Шурышкарском районе к началу 30-х гг. XX в. во всех населенных пунктах, где проживали старожилы, они возделывали огороды. Это относилось даже к самой северной части района. Например, в ю. Котр-Вож (Старый город) на р. Сось местные зыряне сажали картофель, редьку, репу и лук. Шурышкарские огородники к этому времени для возделывания земли использовали лопаты. В 1931 г. в районе на вооружении огородников было учтено 348 лопат [30]. В среднем на хозяйство приходилось по 1-2 лопаты, таким образом, в районе в 1931 г. могло быть не менее 170 огородов.

По наблюдениям обдорских огородников «самой лучшей, всегда удающейся культурной» являлся редис. Вызревал он за 32-33 дня и при раннем посеве можно было успеть снять 2-3 урожая. Хорошо родил лук, «<...> зеленую массу которого снимают по два раза в год и посев не возобновляется несколько лет». В благоприятные годы клубни картофеля в Обдорске достигали размера «чайного стакана». Правда, год на год не приходился, и чаще всего урожай картофеля был сам — 5. Хорошо родила репа. Удавались в обдорских огородах горох и бобы, салат. Хуже росла морковь. Редька росла хорошо, но ее «изъедает рыжий многоногий червь». Лучшие экземпляры редьки были длиной 22 и в диаметре 13 см., то есть достаточно внушительными. Огурцы и капуста родили не каждый год. В плохие годы у капусты даже не завязывались вилки. Огурцы высевались в навозные грядки и закрывались. При тщательном уходе родили они хорошо. Разведением огурцов и тыкв в Обдорске занимался только начальник метеорологической станции Чубынин. В 1931 г. он вырастил огурцы до 13 см. в длину и до 6,5 в диаметре. А в 1930 г. ему удалось получить тыкву «толщиной с фуражку, только немного не дозрела».

В с. Хэ в 1931 г. старейшим огородником была К.Д. Ануфриева. Она завела огород в 1921 году. Как и в Обдорске, в Хэ хорошо рос редис. Картофель по своим урожайности ничем не уступал обдорскому. А некто Ф.И. Филиппов утверждал даже, что в 1927 г. он получил урожай картофеля сам — 10. На школьном огороде в 1931 г. уродился турнепс. Отдельные клубни достигали 25 см. в длину и 8 см. в диаметре. Любопытно, что морковь в Хэ удавалась значительно лучше, чем в Обдорске, и это при том, что Обдорск располагался значительно южнее. В 1931 г. в хозяйстве Дементьевых удалось получить корнеплоды 11 см в длину и 3,5 толщиной, К.Д. Ануфриева вырастила по северным меркам настоящих гигантов. Морковь у нее достигла 18 см в длину и 6,5 см толщины. Выращивались огурцы. Урожай были хорошие. Причем закрывать огурцы приходилось только осенью. Немного южнее Хэ располагалось поселение Кутун-Юган. Здесь к 1931 г. имелось 5 хозяйств, в одном из них с 1929 г. выращивали картофель.

Успехи обдорских огородников впечатляют еще и потому, что уход за высеваемыми культурами оставлял желать куда большего. Весной вносились навозное удобрение, летом производилось одно окучивание и этим дело ограничивалось. Тепличного хозяйства обдорские старожилы не знали [31].

На Надьме были свои тонкости огородничества, проистекавшие из особенностей климата: «Здесь сумма тепла за 4 летних месяца хотя и невелика (12,03°), но не-

достаток в этом отношении компенсируется большой продолжительностью летних дней. Так что с этой стороны южная часть Надымского района имеет возможности для огородничества. Но решающую роль при определении возможности культуры овощей в Надымском районе играют весенние и осенние заморозки. Они губят урожай овощей иногда нацело или, во всяком случае, наносят очень большой вред». Например, в 1933 г. 13 июля был мороз -5° . Самые ранние заморозки в начале 1930-х гг. наступали 26 мая, самые поздние — 27 июня. Первые осенние морозы случались 5 сентября. Вообще гарантированный безморозный период на Надымском севере составлял 80 дней в среднем. Для созревания овощей этого мало. Им необходимо $3\frac{1}{2}$ безморозных месяца. На широте Обдорска столько безморозного времени имеется, а на Надымском севере нет. В итоге урожай овощей по годам были очень неровные. Так, в 1924 г. И. Филиппов на Надыме получил в открытом грунте огурцы «вполне нормально развитые», а «в 1932-33 гг. в Надымском совхозе овощи совершенно не уродились» [41].

Таким образом, традиционная хозяйственная структура региона во многом зависела от природных условий. Именно поэтому в Обдорском крае в конце XVIII-первой трети XX вв. отсутствовало пашенное земледелие. В силу специфики климатических и почвенных условий существенно было ограничено огородничество, как по ассортименту, так и по урожайности. Тем не менее необходимо отметить, что к первой трети XX в. огородничество в крае продвинулось на крайнюю возможную свою границу — на линию Обдорск-Надым. На эту же линию к концу рассматриваемого периода выдвинулось традиционное скотоводство, так же как и огородничество, ограниченное в силу природных условий по ассортименту (малочисленность стада мелкого скота и домашней птицы). Серьезными сдерживающими природными факторами для скотоводства являлись длительный стойловый период, специфика северного собаководства и затяжные паводки, сильно осложнявшие и ограничивавшие сенокосение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Описание живущих Сибирской губернии в Березовском уезде иноверческих народов остяков и самоедов, сочиненное студентом Василием Зуевым // Путешествия по Обскому Северу. Тюмень, 1999. С. 215.
2. Бартенев В.В. На крайнем Северо-Западе Сибири. Очерки Обдорского края // Тобольский Север глазами политических ссыльных XIX - начала XX века. Екатеринбург, 1998. С. 131.
3. Абрамов Н. Описание Березовского края // ТГВ. 1858. № 22.
4. Шульгин С. Кондинский край. ОПИ ТГИАМЗ инв. № 75. Л. 41.
5. Записано от Артеевой М.В., с. Мужж.
6. Яковлев (Богучарский) В.Я. Очерки промысловой охоты в северных округах Тобольской губернии // Тобольский Север глазами ... С. 333-351.
7. ГА ЯНАО Ф. 16. Оп. 1. Д. 6. Л. 3, 68.
8. Ар. МАИЭ РАН Ф.К. II. Оп. 1. Д. 158. Л. 79.
9. Миненко Н.А. Экологические знания и опыт природопользования русских крестьян Сибири в XVIII — первой половине XIX вв. Новосибирск, 1991. С. 119.
10. ГА ЯНАО Ф. 12. Оп. 1. Д. 30. Л. 12, 33.

11. Там же. Л. 180.
12. Там же. Ф. 5. Д. 49. Л. 43.
13. Туров С.В. Влияние экстремальных природных факторов на русское сельское хозяйство Западной Сибири (XVIII — середина XIX вв. // М-лы науч. конф., посвященной 100-летию со дня рождения профессора П.И. Рощевского. Тюмень, 2003. С. 67-68.
14. ГА ЯНАО Ф. 12. Оп. 1. Д. 30. Л. 41.
15. Там же. Д. 89. Л. 10.
16. ГУТО ГА в г. Тобольске Ф. 329. Оп. 541. Д. 119. Л. 734 об.-735. Цит. по: Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь в XVIII — первой половине XIX в. Историко-этнографический очерк. Новосибирск, 1975. С. 80.
17. ГА ЯНАО Ф. 5. Оп. 1. Д. 49. Л. 28.
18. Там же. Ф. 12. Оп. 1. Д. 26. Л. 69.
19. Там же. Ф. 5. Оп. 1. Д. 49. Л. 27.
20. Там же. Ф. 12. Оп. 1. Д. 30. Л. 3.
21. Туров С.В. Применение огня в хозяйственном быту русских крестьян Западной Сибири в XVII — пер. пол. XIX вв. // Духовная культура Сибири (проблемы межнациональных связей, философии, филологии и истории). Тюмень, 1994. С. 81-92.
22. ГА ЯНАО Ф. 12. Оп. 1. Д. 65. Л. 23.
23. Белоножко Ю.А. Юганский опытник // И.Я. Тверитин. Священник — хлебороб. Шадринск, 1993. С. 3-12.
24. Ежегодник Тобольского губернского музея. Вып. V. Тобольск, 1892.
25. Скалозубов Н. От Тобольска до Обдорска (Из путевого журнала) // Ежегодник Тобольского губернского музея. Вып. XVI. 1906. С. 10.
26. Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь ... С. 81-82.
27. Вальгамов А.И. Хроника села Мужичи. (рукопись).
28. Ямал: грань веков и тысячелетий. Салехард-СПб., 2000. С. 434.
29. ГА ЯНАО Ф. 16. Д. 11. Л. 32.
30. ГА ЯНАО Ф. 12. Оп. 1. Д. 30. Л. 69.
31. Там же. Д. 30. Л. 58-65.
32. Там же. Д. 89. Л. 3-4.